

Олеся всегда немного робела, когда мальчики проводили ее после школы или заходили в гости, или на танец приглашали на школьной дискотеке. Приглашали ее обычно отличники в отглаженных рубашках, надевавшие по таким случаям вместо строгих брюк джинсы. Да еще и кроссовки. Они и сами радовались своему необычно свободному виду и становились торжественными, как на школьной линейке. Олеся не отказывала. У нее был старший брат, в прошлом такой же отличник, поэтому она знала, как тяжело бывает мальчику пережить отказ, да еще и публичный. И все равно где-то внутри съеживалось что-то неприятное и холодное, будто своим согласием она мальчику что-то обещает, как-то его обнадеживает, и он теперь будет думать, что и он Олесе нравится. Брат, правда, говорил, что ботаны так часто ее приглашают как раз потому, что она не откажет, – типа синдром отличника, надо наверняка, и никто из них на самом-то деле ничего к Олесе не испытывает. Олесю это успокаивало.

Она, натанцевавшись, долго рассказывала маме о том, кто именно ее на этот раз пригласил и о чем они говорили. Чаще всего обсуждали контрольные, но иногда мальчики радостно сообщали Олесе о том, кто на них сейчас смотрит. Олесю удивляло, как они успевают, – ей некогда было смотреть по сторонам, она танцевала и слушала про контрольные. Брат, правда, говорил, что они только ради этого и танцуют, показать всей школе, что они не какие-нибудь там скромные ботаны, а вполне себе пацаны. Но мама считала, что это, конечно же, не так. Олеся – настоящая красавица, и отличники ее приглашают как раз потому, что лучшая девочка в школе должна танцевать с лучшими мальчиками. Папа при этом улыбался, обнимал маму, и они уходили на кухню вместе готовить ужин и смеяться. У них было много секретов, они постоянно шушукались, как дети, и щекотались, иногда прихватывая в игру не только Олесю, но и ее старшего брата. Тот учился уже в институте, где руководил студсоветом, и очень боялся щекотки, потому напускал на себя грозный вид и пытался

урезонить расшалившихся родителей серьезными доводами. Но потом, сдавшись, тоже возился с ними и хохотал.

От этого Олеся думала, что у мужа с женой непременно должны быть свои секреты, даже от детей. Тем более что у родителей секреты были какими-то совсем уж дурацкими. Брат не понимал, он постоянно одергивал их и говорил, что шушукаться в приличном обществе, да еще и за столом, неприлично. Мама вынимала руку из-под стола и медленно показывала брату палец с обручальным кольцом. Как показывают «фак». А на пальце была надета, например, изящная шляпка для пальца, слепленная папой из хлебного мякиша. Родители хохотали в голос, а брат качал головой и бормотал свое обычное:

– Не, ну детский сад! Ей-богу!

И отворачивался. Или относил чашку в мойку. Или ворчал про то, что если на работе их подчиненным показать, как начальство дома развлекается, позору не оберешься. Но Олеся знала, что отвернулся он потому, что самому смешно и он изо всех сил пытается скрыть улыбку.

Иногда, когда мама шалила, она подсакивала к брату и начинала паясничать – дразнила его смешными голосами, повторяя, что пупсичек ревнует, или пощипывала брата за зад, он смешно вертелся и брызгал в нее водой. А потом, чтобы успокоить, крепко обнимал ее и смеялся. Тогда подходил папа и, уперев руки в боки, грозно говорил:

– Это моя телка, поц, ты офигел что ли?

Брат бормотал свое обычное: «Ой, всё», – и шел в комнату учиться, но Олеся знала, что читать он начнет не сразу, долго еще будет покачивать головой и улыбаться чему-то. Иногда она подходила и обнимала его. Брат гладил ее по голове и отправлял заниматься.

В десятом классе к Олеся посадили новенького – Максима. У них сразу же образовались свои секретники, сначала простые, про запасную ручку или смешную прическу математички. Потом секреты усложнились, они ходили вместе домой, и Олеся знала про Максима куда больше, чем все ее одноклассники. Одноклассники шушукались у них за спиной, Максим переживал, но Олеся рассказывала ему про брата, и он сразу успокаивался. Правда, потом начинал волноваться снова и даже лез в драку, когда Юрка отпускал

сальные шуточки в их адрес, но Олеся быстро объяснила, что с Юркой они давние враги. Чем вызвана его неприязнь, Олеся не знала, но помнила, что еще в начальной школе Юрка дергал ее за косички, забрасывал снежками, пихал в грязь и на танцах иногда толкал в спину ее партнера, отчего на танцполе случались самые настоящие драки с долгими разборками у директора.

Мама говорила, что иногда встречаются такие вот люди – ну просто не живется им спокойно, надо обязательно кого-то задирать, провоцировать и ссорится. Из них хорошие получаются вожди и революционеры. Энергии много, а девать ее некуда. Брат тут же принимался возражать, приводя в пример биографии Ленина, Наполеона, Цезаря, умевших направлять свою энергию в нужное русло. Тут же вступал отец с занимательными фактами и возражениями, и на следующем уроке истории Олеся рассказывала это все классу и получала «отлично». Так что и Юрка при всем желании не мог особенно досадить.

Потом Максим с Олесей стали ходить друг к другу в гости, брат долго присматривался к Максиму, но все же при встрече жал ему руку. Максим был рад. Он стал смелее целовать Олесю, и их объятия становились постепенно уже не такими невинными. Потом друг к другу в гости стали ходить родители, иногда даже без детей.

К концу первого курса Максим с Олесей решили пожениться. Против был только брат. Он считал, что жениться нужно на четвертом курсе, чтобы ровно к окончанию университета муж вышел на работу, а жена ушла в декрет. Но сам он был уже на пятом и все еще не женат, так что его не особенно слушали.

После встречи выпускников, откуда Максиму пришлось уйти пораньше из-за завтрашнего коллоквиума, Олесю провожал Юрка. Снег скрипел под ногами, и после выпитого было свежо и радостно выйти на улицу. И даже Юрка, от которого Олеся по привычке ждала тычка или подножки, улыбался. Они разговорились впервые за долгие десять лет в школе, и все прошлые обиды теперь вспоминались легко и весело.

А потом Юрка вдруг вздохнул и сказал, что ему все-таки очень жаль, что Олеся запомнила его как маленького подлеца

и уroda. Олеся засмеялась – теперь-то уже неважно, извинился же. Юрка помялся немного, а потом признался, что это он по дурусти. И от любви. И поцеловал. Олеся ничего не поняла, но Юрка объяснил, что вокруг нее всякие там ботаны вертелись, и не знал он, как так сделать, чтобы она на него посмотрела наконец. Злился очень. И на нее, и на себя, и на них тоже. А потом, когда у нее Максим появился, Юрка чуть не повесился.

Олесю это не то чтобы удивило. Ей показалось, что она узнала какой-то страшный секрет, настолько огромный, что он не уместится в этот снег, звезды, школу. Что-то не только о Юрке, но и о мире в целом – оказывается, от любви бывает злость, а секреты бывают такими вот огромными. И теперь кивнуть рассеянно у подъезда и уйти в дом казалось невозможным – будто этот секрет связал их, и теперь Олеся отвечала за Юрку, и думала о том, как же он теперь пойдет домой и как он теперь себя чувствует, зная, что она вот-вот выйдет замуж, и никогда уже больше не будет между ними не то что поцелуя, даже такой прогулки не будет.

Утром Юрка позвонил и извинился. Решили, что будут теперь дружить. Семью Олеси это не особенно удивило, только брат слегка нахмурился, но ничего не сказал. Юрка стал иногда заходить, они прогуливались в сторону школы. Как-то он предложил посмотреть у него кино, и Олеся, уже окончательно успокоенная по поводу его чувств, согласилась.

Дома у Юры душно пахло жареной картошкой, и фильм они смотрели на стареньком телевизоре еще с видеокассеты. Юра очень гордился, что ему удалось сохранить такую раритетную вещь, и, склоняясь к Олесе, говорил ей в шею и отвлекал ее от фильма, показывая картинки на видеокассетах. Олесе было неловко, она отодвигалась к краю дивана, пока не уперлась в подлокотник. Но Юра все равно придвигался и приваливался к ней плечом. В середине фильма Олеся попросила остановить, она собралась наврять, что должна сделать что-то срочное, ну, вспомнила так вот вдруг, мало ли... но уйти не успела.

Юра вдруг резко развернулся к ней и навалился всем телом, зажав ее между подлокотником и спинкой. Олеся опешила и даже хохотнула сначала, потому что не сразу поняла,

что происходит. Юра целовал ее в лицо и лез под платье. Олеся растерялась, она пыталась оттолкнуть его, убрать его руки, а еще и лицо спрятать от поцелуев. Но Юра был огромен, быстр и зажал ее крепко. Олеся испугалась, она видела только его расплывающееся лицо с вытянутыми в трубочку губами и свою маленькую руку, упирающуюся в его грудь. Оттолкнуть было невозможно, сил не хватало. Олеся закричала, но ничего не изменилось. Он не отпустил. Большая рука прошарила по ее ноге и схватилась за резинку колготок. Он потянул вниз, и резинки впились в тело с другой стороны. Олеся заплакала, и ей показалось, что от этого он, наконец, отпустит ее, но нет, он только привстал на секунду, чтобы стянуть свои штаны. Олеся вскочила и бросилась к двери, но запутавшись в спущенных колготках, чуть не упала. Он схватил ее за руку и завалил обратно. Олеся стукнулась головой о мягкий подлокотник и снова растерялась.

Пока она пыталась сообразить, что происходит, он раздвинул ее колени и завалился сверху. Стало очень больно, и показалось, что он вгоняет в ее тело кол. И кол этот разрывает ее изнутри. И что Олеся теперь истечет кровью и непременно умрет, потому что это все неправильно. Даже не потому, что вообще неправильно, а сам секс происходит как-то неправильно – слишком больно, и слишком большое так резко вогналось ей внутрь. А у нее же там органы – кишечник, легкие, сердце. В глазах побелело от боли, и мурашки пробежали по телу, но закричать она не успела. Юра снова зажал ей рот рукой. Отбиваться она больше не могла – боль собралась внизу живота, и оказалось, что если не шевелиться и расслабиться, то больно только там, а не по всему телу.

Известка на потолке была растрескавшаяся, а кое-где и в желтых потеках – видимо, соседи сверху довольно часто топили Юрину квартиру. На коричневом ободке люстры остались засохшие разводы, и оттого снизу ободок казался выщербленным или обглоданным.

Когда все закончилось, Юра отвалился, как насосавшийся клоп, и отпал на пол. Олеся потрогала себя там – и на руке осталась кровь. Она сдвинула наконец ноги и так и осталась лежать – внутри все пульсировало, но уже не болело так сильно. Олеся подумала, что надо пойти в ванную и ополоснуться к приезду скорой. Иначе она заляпает им носилки. С другой

стороны, она не знала, можно ли ходить с такой огромной раной внутри. И уж тем более, принимать душ. Надо было попробовать. Она поднялась и села. Как ни странно, она чувствовала себя нормально, и даже голова кружилась совсем немного.

Юра сидел на полу, подтянув колени к груди, и плакал, закрывая глаза ладонью. Олеся прошла мимо него и закрылась в ванной.

Она сняла платье, застирала подол в зеленом пластмассовом тазу с высокими бортами, и только потом помылась сама. На белое дно ванны, смешиваясь с водой, по ногам стекала кровь. Ее оказалось довольно мало, но совсем она не прошла – когда Олеся уже выбралась и вытерлась полотенцем, на нем остались пятна. Олеся нашла бинт и, уложив его слоями, сунула себе в трусы. Стало понятно, что скорая не понадобится – до поликлиники она может дойти сама. Подол был все еще мокрым и горячим от жара трубы, на которую она повесила платье, и Олеся долго сушила подол феном.

Наконец она оделась и посмотрела в зеркало. Она больше себя не узнавала – то же самое лицо, но во взгляде появился странный отстраненный блеск, непроницаемая отгороженность, какая иногда встречалась у людей в толпе. Будто между ней, настоящей и искренней, и всем миром выросла какая-то посторонняя линза, рыбий глаз, и теперь по глазам ее больше ничего уже не прочитать.

Выходя из ванной, Олеся все еще думала о взгляде, прислушивалась к телу. Она ждала какой-то пульсации между ног, резей, но боли не было. Олеся вообще чувствовала себя хорошо. И только споткнувшись о сидящего перед дверью Юру, Олеся опомнилась. Он торопливо вскочил на ноги и стал хватать ее, просить прощения, умолять, но Олеся молча прошла мимо него на улицу.

Всю дорогу домой Олеся судорожно соображала, что же ей теперь делать. И что если теперь рассказать Максиму, или даже маме, то они, конечно, станут разбираться, но все равно будут думать, что она сама виновата – поперлась домой к страстно влюбленному однокласснику, сидела у него впритирочку на диване, обжималась, а потом удивляется. И что по сути-то они правы – думать надо было. И Максим

как это переживет – убьет ведь, если брат или папа раньше не постараются. И дальше будет хуже – разборки, драки, следовательно с расспросами, экспертиза, позор, и на это нужно было решиться. Погуляв перед домом, Олеся собралась с силами и вошла. Она надеялась, что дома окажется мама, и они поговорят, но дома были все.

Они пили чай и хохотали на кухне, и даже брат смеялся и обнимал маму, стоя посреди комнаты. Их силуэты были видны через треснувшее матовое стекло кухонной двери. Стекло это разбили, как ни странно, не они в детстве, а мама с папой. Как-то подчиненные подарили маме новую прихватку для горячего в виде головы дракона. И мама носилась за папой по квартире, изображая страшным голосом дракона и стараясь щипнуть папу за зад, – он смеялся и, убегая, закрылся на кухне – но не рассчитал силы, и стекло треснуло. Родители и над этим посмеялись. Папа собрался вставить стекло, но мама нарисовала вдоль трещины побег экзотических цветов, которые вышли на удивление удачными, и менять стекло было жаль. Отец время от времени замирал перед стеклом с рулеткой, но, засмотревшись, так ни разу и не измерил.

И Олеся почувствовала вдруг, что она принесла с собой грязь и боль, и что теперь долго еще все они будут отходить от этой новости, от разборок, и мама с папой больше не будут веселиться, а станут вздыхать и тоскливо обниматься. Когда кто-нибудь болел, умирал или случалось какое-нибудь другое горе, они все время молчали. Стояли обнявшись и прижимали к себе проходивших мимо Олесю или брата. От этого становилось легче. И Олеся почувствовала, что сейчас она совсем не хочет скандалов, слез и разборок, она просто хочет таких вот успокоительных объятий. Она вошла на кухню, и ее тоже прижали к себе, еще и папа встал, прочитав в ее глазах что-то особенное и тоскливое. А после, когда пили чай и смеялись чему-то, Олеся почувствовала, что все прошло – и обида, и сомнения, и желание справедливости.

Маме она так и не рассказала. Рассказала Максиму. Это было очень страшно, потому что он – не мама, он все же мужчина, еще и ее жених, и вряд ли может принять это спокойно. Но Олеся подумала, что случившееся и есть самый главный и самый страшный секрет в ее жизни. И если рассказать его

маме, то между ней и мамой получится самое главное и большое. И все их с Максимом секретники, которые они накапливали годами, хранили и берегли, это все ерунда, если она утаит этот. Максим не разозлился. Он просто весь как-то потух и обмяк. И ушел. Не было его долго. Родные удивлялись, куда он запропастился, но особенно не расспрашивали. Олеся итак перестала смеяться и часто прогуливала пары.

Сначала они думали, что она спит и порывались ее будить, но каждый раз, входя в ее комнату, обнаруживали, что она просто лежит и смотрит на свое отражение в матовом блеске натяжного потолка. Присаживались рядом и гладили по голове, отчего Олеся начинала плакать, уткнувшись в пины фланелевые брюки или мамин атласный халат. Только брат никогда не присаживался – оставался в дверях и делал внушение. Но это тоже не помогало.

Через пару недель, когда Олеся уже повеселела, начала вечерами выходить к столу, а по утрам вовремя подниматься в институт, около дома ее встретил Максим. Он долго молчал, будто ждал, что Олеся заговорит первой, но ей говорить было совсем нечего. Потом Максим признался, что побил окна в квартире у Юры. И в машине. И вообще, убить хотел. Но не стал. Потому что и про себя он кое-что понял. Понял, почему не мог злиться на Юру по-настоящему. Все это время, с самого первого поцелуя и долгие годы после, Максим боялся. Знал, что рано или поздно придется им все-таки по-настоящему, не как они обычно – нежно и по очереди. А прямо вот как муж и жена. И он должен будет сделать Олесе больно. И она обидится. И будет потом долго еще отходить и думать, что ему-то там хорошо было, а ей терпеть пришлось. И вообще, возненавидит она его, а им потом всю жизнь вместе. Много еще о чем говорили, плакали, а потом пошли домой, пить чай. И обняли их обоих, прижали, и даже брат подошел, неловко так, боком, но тоже обнял.

А про Юру разное говорили: что он уехал или спился, или женился даже, но Олесе это было уже не важно. Да и никому вообще.